

сближает ее оценки с новейшими выводами исследователей (Л. Максимович и др.), отказывающихся видеть в «богатых» трактата Алексея Макремволита «новый предпринимательский класс».

Вряд ли можно согласиться и с попытками В. А. Сметанина в уже упоминавшихся выше статьях теоретически обосновать необходимость выделения эпистолологии в отдельную, самостоятельную вспомогательную историческую дисциплину. При всем том, что автор посвященных этому сюжету статей внес действительно большой вклад в изучение византийских эпистографических памятников как особого типа источников, их специфики, классификации, методики и анализа, нам представляется, что ему не удалось доказать выдвинутый им тезис — необходимость «выведения» эпистолологии из области «конкретного источниковедения». На сходных основаниях можно выделить из источниковедения изучение достаточно большого круга типов источников. Для византистики, которая едва ли не в любом исследовании вынуждена оперировать всем комплексом источников, сама постановка такого вопроса нам кажется непродуктивной и неперспективной. Разумеется, это не исключает необходимости более глубокого осмысления специфики и методики исследования источников разных типов.

Все изложенное выше, на наш взгляд, говорит о характерном для сборников движении, несомненном прогрессе в разработке на его страницах проблем истории Византии. Не случайно материал и выводы его авторов привлекают внимание как советских, так и зарубежных исследователей. Как несомненное достижение по сравнению с первыми выпусками сборников следует отметить расширение их проблематики. Это проблемы идеологии и этических воззрений (М. А. Поляковская, А. С. Козлов, В. Н. Барабанов и др.), истории военной организации и мысли, до недавнего времени почти не разрабатывавшиеся в советском визан-

тиноведении специально (В. В. Кучма), комплекс работ археологов, в которых прослеживается тенденция выявить комплексную картину взаимосвязанного развития Херсонеса, малых городов и поселений его округа (А. И. Романчук, В. Е. Рудаков и др.). Наконец, в последние годы, это серия работ, ставящих своей целью уяснить специфику и характер системы международных связей Византии, ее отношений с «малыми» соседними государственными образованиями (В. П. Степаненко и др.).

К достоинствам сборников можно отнести и то, что почти в каждом выпуске появляются фамилии новых, молодых авторов. Сборники сыграли большую роль в становлении не только свердловского, шире — уральского византиноведения. Ученые, выступавшие на их страницах, стали авторами крупных коллективных исследований, участниками всесоюзных и международных симпозиумов и конгрессов. Многие статьи выросли и вырастают в крупные и комплексные исследования, не только в кандидатские, но и в докторские диссертации. В этом смысле не может быть недооценен вклад сборников (ныне отв. ред. проф. М. А. Поляковская) в подготовку кадров специалистов по истории Византии.

В заключение остается лишь выразить сожаление, что за сборниками, имеющими устоявшееся собственное лицо, традиции и проблематику, устойчиво приобретенными известность как в нашей стране, так и за рубежом под названием «Античная древность и средние века», это название не было сохранено. Думается, что для пользы дела подобного рода издания, фактически ставшие периодическими междувузовскими, должны быть выделены — благодаря единому названию — из всевозрастающей массы отдельных проблемно-тематических сборников «разовой» публикации.

Г. Л. Курбатов, Е. П. Глушанин

Византийский Земледельческий закон: Текст, исследование, комментарий/Подгот. Е. Э. Липшиц, И. П. Медведев, Е. К. Пиотровская. Под ред. И. П. Медведева. Л.: Наука, 1984, 280 с.

В списках desiderata Международной ассоциации византистов названный выше знаменитый византийский памятник неизменно значился как источник, критическое издание которого давно стало острой необходимостью. Опубликованный последний раз В. Эшбернером в 1910 г. с учетом всего шести рукописей, Земледельческий закон за истекшие три четверти столетия, хотя издатель и основывался на одном из древнейших списков, стал объектом многочисленных дискуссий, которые в конце концов заставили усомниться в точности воспроизведения Эшбернером самого текста памятника.

Коллектив ленинградской византистики поставил перед собой благородную и нелегкую задачу — опубликовать, наконец, критически выверенный текст источника. Надежда на успех оправдывалась прежде всего тем обстоятельством, что

именно в советском древлехранилище находится, как это убедительно показано И. П. Медведевым (см. с. 35—41), самый лучший список Земледельческого закона (ГИМ, греч. 318, XI в.). Этот список и положен в основу нового издания памятника, хотя издатель широко привлек, разумеется, и другие списки, хранящиеся в своем большинстве в зарубежных библиотеках.

И. П. Медведев избрал в качестве руководящего принципа издания отечественную концепцию критической публикации исторических памятников, согласно которой за основу принимается лучший, наиболее близкий к предполагаемому оригиналу список, тогда как в западной археологии (в том числе в византистике) сплошь и рядом следуют принципу, заключающемуся в попытках реконструкции автографа путем привлече-

вия всей рукописной традиции. Мы бы, однако, воздержались от определения этих двух методик как взаимоисключающих друг друга: и во втором случае с осмотрительностью и осторожностью «реконструируемый автограф» может оказаться в целом достаточно близок к лучшей (и, как правило, древнейшей) рукописи.

Из 120 выявленных на сегодняшний день рукописей Земледельческого закона И. П. Медведев оставляет в стороне, как наиболее позднюю (XIV в.), так называемую арменопуловскую редакцию (которую, впрочем, теперь можно именовать подлинно арменопуловской)¹, включающую 54 списка. Намереваясь в дальнейшем специально обследовать и эту редакцию, издатель уже изучил 40 представляющих ее списков. Из оставшихся 66 благодаря энергии и настойчивости И. П. Медведева, а также помощи зарубежных коллег 60 рукописей (включая списки в отечественных хранилищах) оказались ему доступными, подверглись текстологическому и кодикологическому обследованию и учтены в рецензируемом издании.

Обязанности по выполнению совместной публикации были распределены следующим образом: историографическое обозрение, обследование рукописной традиции греческого текста, критическое издание и перевод памятника на русский язык, а также общее редактирование всей книги взял на себя И. П. Медведев, постатейный историко-юридический комментарий к греческой версии, главной целью которого было установление степени оригинальности правовых норм Земледельческого закона, выполнен Е. Э. Липшиц, научный интерес которой к этому произведению насчитывает 40 лет, славяно-русская редакция (включая историю изучения памятника, обследование рукописей, издание памятника, его перевод на современный русский язык, комментарий и приложение) опубликована Е. К. Пиотровской.

Задача издания определена И. П. Медведевым предельно четко — «дать в руки исследователям добротный материал, удовлетворительное критическое издание Земледельческого закона, которое позволило бы поднять исследовательскую работу на новый уровень». Издатель не преследовал при этом цели решить вопросы времени и места возникновения памятника, как и его интерпретации, — тем более, что внутри авторского коллектива по этому кругу проблем нет полного единства мнений (с. 6).

В специальном разделе о греческой версии издатель емко и ясно изложил основные точки зрения на Земледельческий закон в научной литературе, начиная с первых шагов изучения памятника в мировой историографии вплоть до начала 80-х годов нашего столетия. Особое внимание уделено при этом воззрениям на

происхождение, время и место возникновения и судьбы рукописной традиции, принадлежавшим русским, а затем советским исследователям, поскольку именно отечественным византиноведением был внесен признанный мировой наукой значительный вклад в разработку проблем, относящихся к аграрноправовой истории Византии вообще и к Земледельческому закону в частности.

Хотя, как сказано, И. П. Медведев и оговорил свою позицию — не выносить окончательных суждений о месте и времени составления памятника, он, естественно, не мог совсем избежать этого и вполне определенно выразил свое мнение по данным вопросам на с. 23—25 (как и в ряде предварающих рецензируемое издание статей). Издатель придерживается мнения, согласно которому первоначальное ядро памятника сложилось в эпоху Юстиниана I и отразило Юстинианово право, окончательно же Земледельческий закон оформился как неофициальный (но признанный государственной властью) юридический сборник аграрноправовых установлений в последующий период, во всяком случае — до середины VIII в., причем оформился, всего вероятнее, на основе обычного права; местом его возникновения были, скорее всего, византийские провинции Италии — итальянское происхождение обнаруживают и самые древние и лучшие списки Земледельческого закона, как это убедительно показал И. П. Медведев; именно к этой группе из 11 рукописей принадлежит и наиболее исправный пинак (перечень заголовков глав-статей), соответствующий полностью содержанию Земледельческого закона (с. 16, 23—25). Этот пинак, как обладающий самостоятельной информативной ценностью (с. 33), издатель вполне оправданно счел необходимым опубликовать перед греческим текстом самого Земледельческого закона (с. 93—95).

Вслед за систематическим и критическим изложением истории изучения памятника (с. 9—25) И. П. Медведев переходит к описанию его рукописной традиции (с. 26—92) (впрочем, с. 70—90 занимают целиком факсимиле отдельных страниц наиболее важных и интересных рукописей Земледельческого закона). Издатель выделяет девять групп (семей) рукописей старшей редакции, включающей в целом 70 списков, из которых Медведев использовал около 60 (в классификации издателя фигурируют, по нашим подсчетам, 58 рукописей). Самую большую группу из 11 списков составляет первая, «которую как пишет Медведев, с полным правом можно назвать южноитальянской» и к которой принадлежат два наиболее древних списка. Издаваемая же лучшая московская рукопись [ГИМ, греч. 318, XI в. (?)] относится ко второй группе из пяти списков, имевших, возможно, столичное (константинопольское) происхождение.

¹ См.: *Медведев И. П.* Был ли Константин Арменопул автором «арменопуловской» версии Земледельческого закона? — В кн.: *Византийские очерки*. М., 1982, с. 216—233.

ние. Предпочтение, отданное московскому списку, обусловлено «его репрезентативностью (ибо именно с ним часто солидаризируются не только рукописи данной группы, но и других групп)», а также и тем, «что он отражает древнейшую (по крайней мере из дошедших до нас) редакцию памятника» (с. 41). В особую группу «единичных рукописей» издатель выделил три списка, которые, хотя и связанные генетически с той или иной из девяти семей, имеют существенные особенности, подверглись значительной переработке (с. 66—69).

Самое издание памятника (с переводом *en regard* на русский язык) (см. с. 96—123) отличает даже внешне бросающаяся в глаза особенность: огромный постраичный (точнее — подстрочный) аппарат, в котором учтены, исключая чисто орфографические погрешности, все семантические и синонимические различия, сравнительно с издаваемым списком, в 60 рукописях старшей редакции, причем «препарированы» они так, что читатель никогда не теряет в этих скоплениях различий. В этом большое достоинство данного издания. Весьма важно, что необходимые пояснения в подстрочнике даны на латинском языке по принятой в международной практике системе. Издание приобретает, таким образом, подлинно интернациональный научный характер: оно доступно ученым для исследовательских целей в любой стране даже в тех случаях, когда *gossica non leguntur* — явление, к сожалению, еще широко распространенное даже в византиноведении.

Мы не можем здесь поставить перед собой задачу оценить все те случаи, когда издатель предпочел чтению рукописи ГИМ, греч. 318 чтение других списков, — для этого необходимо было бы проделать всю ту текстологическую и аналитическую работу, которую осуществил И. П. Медведев. Отметим, однако, в целом, что приведенные различия как нельзя лучше подтверждают тезис издателя, что избранный им для критической публикации список действительно является лучшим среди всех выявленных в мировых хранилищах: мы насчитали всего чуть более 50 случаев, когда пришлось вносить коррекции в текст в соответствии с другими рукописями (как правило, это пропуски, ошибки в падежных или глагольных окончаниях, описки и т. п.). Представлялось бы целесообразным — для большего удобства пользования публикацией — внести чисто техническое (шрифтовое) выделение всех этих случаев отклонений издаваемого памятника от рукописного текста, хотя бы в подстрочнике.

Перевод Земледельческого закона, выполненный И. П. Медведевым, вполне соответствует, за немногими исключениями, о которых — ниже, греческому тексту.

В заслугу издателю следует, несомненно, поставить публикацию интерполяций к рукописям старшей редакции. Эти тексты, как правило, анонимно включавшиеся писцами в состав Земледельческого закона, а посему представлявшие гро-

мные трудности для их отождествления, выявлены, идентифицированы и систематизированы Медведевым, в соответствии с сюжетным принципом, в семь групп; они имеют, во-первых, значение самостоятельного важного исторического источника и, во-вторых, содействуют пониманию текста Земледельческого закона и его соотношения с другими аграрно-правовыми установлениями в Византии (с. 129—136).

Автор постатейного комментария к Земледельческому закону, Е. Э. Липшиц, не ставила перед собой (это особо подчеркнуто ею — см. с. 137) задачу интерпретировать текст памятника с точки зрения тех дискуссионных проблем, которые связаны с данным юридическим сборником и столь по-разному толковались в научной литературе. Основная цель комментария, как упоминалось, — определить степень оригинальности Земледельческого закона как памятника права, выявить его генетические историко-юридические связи с предшествующим законодательством, в том числе с Юстиниановым правом, а также с юридическими нормами лангобардской Италии и вообще — с «варварскими правдами». Такая позиция представляется вполне оправданной и плодотворной — во всяком случае, в смысле полноты, систематичности и основательности другого подобного типа комментария к Земледельческому закону в науке не существует.

Опираясь на упоминание в заглавии к парижской рукописи 33 (№ 1367) «автессоров», Е. Э. Липшиц считает возможным более точно датировать время возникновения Земледельческого закона: создание его архетипа она относит ко времени между 533 и 572 гг., а модификацию и дополнение памятника связывает с изданием Эклоги Львом III и Константином V (726 г.) (с. 140—141). Этот свой тезис автор комментария в целом успешно подтвердила и в своих конкретных постатейных толкованиях. Весьма важны вскрываемые Е. Э. Липшиц и имеющие принципиальное значение параллели между нормами Земледельческого закона и положениями «варварских правд» (Бургундской, Баварской, Алеманнской и др.).

Вторая часть публикации, осуществленная Е. К. Пиотровской, — издание славяно-русской версии Земледельческого закона, имеет в целом ту же структуру, что и первая: вслед за обзором истории изучения памятника следует раздел о рукописной традиции, далее — сам памятник с параллельным переводом на современный русский язык, комментарий к памятнику и, наконец, приложение.

Е. К. Пиотровская видела свою задачу в том, чтобы выявить и установить редакции древнерусской версии памятника, определить, бытовал ли он на Руси самостоятельно или только в составе «Книг законных», попытаться датировать время перевода Земледельческого закона на славянский язык и проникновения на Русь, проверить, был ли состав древнерусских сборников, включавших Земледельческий закон, аналогичным греческим сборникам, рассмотреть вопрос о соотношении

древнерусской версии с двумя древне-сербскими (с. 196—197). Анализ предшествующей историографии показал, что эти вопросы остались к моменту публикации Е. К. Пиотровской в основном открытыми.

Отвечая на поставленные вопросы, автор публикации приходит к выводам, что выявленные ею 11 списков древнерусского текста не поддаются их группировке по редакциям (даже делению на младшую и старшую, предложенному Я. Н. Шаповым), что положение А. С. Павлова о существовании древнерусской версии только в составе «Книг законных» остается непоколебленным, как и заключение этого ученого о списке ГИМ, собр. Уварова, № 264, как о наиболее древнем и лучшим списке древнерусской версии, что перевод Земледельческого закона на древнерусский язык был осуществлен с греческой рукописи из 7-й, по классификации И. П. Медведева, группы (наиболее близок текст древнерусской версии, как определил еще А. С. Павлов, к греческой рукописи первой четверти XIV в. ГИМ, греч. 322), что время перевода Земледельческого закона, вероятнее всего, приходится на период с конца XI до начала XIII в. (т. е. на эпоху Киевской Руси), а его правка и поновление (с участием митрополита Киприана) — на начало XV в., что сопоставление сербской редакции с древнерусской версией в науке еще не осуществлено до конца, но свидетельствует скорее в пользу самостоятельного происхождения древнерусского перевода (см. с. 198—231).

Поскольку древнерусский текст Земледельческого закона в компиляции «Книги законные» неразрывно связан с другими юридическими текстами — главами «О казнях», «О браках», «О послухах», Е. К. Пиотровская считает оправданным его издание вместе с этими дополнениями (они приведены, впрочем, в отличие от текста Земледельческого закона, без соответствующих переводов) (с. 233—256).

Комментарий к древнерусской версии весьма краток (с. 257—261) — он рассматривается лишь как дополнение к комментарию Е. Э. Липшиц. Однако и в этом кратком комментарии поставлена та же цель — проследить соответствия древнерусской версии с юридическими оригинальными памятниками Древней Руси (с Русской правдой и Пространной редакцией Закона Судного людем — автор придерживается точки зрения М. Н. Тихомирова о ее составлении на Руси из ранее переведенных на русской почве отрывков из законодательных памятников).

В приложении (с. 262—264) приведена Ефросиновская редакция Земледельческого закона по рукописи ГИМ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 9 (1026) — этот список Е. К. Пиотровская и считает такой рукописью, о которой только и можно говорить, как об особой редакции древнерусской версии Земледельческого закона (с. 211), хотя и она, как и остальные 10 списков, восходит к одному тексту, поскольку, скорее всего, существовал лишь один перевод с греческого (с. 217).

Наконец, следует упомянуть о том, что пользование новым изданием облегчают тщательно составленные указатели: основной лексики греческой версии, как и древнерусской, указатели греческих и славяно-русских рукописей, писцов и владельцев рукописей, юридических источников, как и исследователей Земледельческого закона, а также список употребляемых в издании сокращений.

Издание в целом нам представляется весьма удачным, и мы не имеем каких-либо принципиальных замечаний к его исполнителям. Остановимся поэтому лишь на некоторых частных, на наш взгляд, недостатках, помня о том, что издатели не ставили перед собой задачу интерпретации положений Земледельческого закона как исторических свидетельств об аграрноправовых отношениях в Византии VII—VIII столетий или на Руси в XIII—XV вв. (древнерусская версия).

Справедливо подчеркивая значение глав 13 и 81, дающих неоспоримые свидетельства в пользу существования у византийской общины прав на землю (это право отрицалось и поныне отрицается многими зарубежными учеными) (с. 58), следовало бы в этом ответственном месте сформулировать свою мысль более точно: община Земледельческого закона уже не располагала правом собственности на всю землю посеяния (или поселений), составляющего общину, — она обладала этим правом лишь на неподеленную между общинниками землю.

Представляется несколько неожиданной неуверенность исполнителей в транскрипции таких имен, как Кирулларий (с. 38) (на с. 60 — «при... Керулларие» — ?). См. также с. 63 — Лакапен.

В статье 7 слова $\tau\omega$ $\delta\iota\alpha\kappa\rho\alpha\tau\eta\varsigma\alpha\upsilon\tau\iota$ и $\delta\iota\alpha\kappa\rho\alpha\tau\eta\varsigma$ лучше было бы перевести словами соответственно «за владевшим» и «владение», а не «за державшим» (от кого?) и «держание».

Перевод статьи 8 представляет собою, в сущности, пространное и не бесспорное толкование, а не перевод в подлинном смысле слова. Речь идет, по нашему мнению, о допущенной (при разделе оставшейся до этого незанятой общинной земли) несправедливости в порядке жеребьевки и в выделении самого места владения (далеко от деревни, от других участков общинника, в менее плодородном месте и т. п.). Перевод слов $\epsilon\nu$ $\sigma\alpha\rho\phi\iota\omicron\varsigma$ η $\epsilon\nu$ $\tau\omicron\upsilon\tau\omicron\iota\varsigma$ должен быть, кажется, более нейтральным. Например: «Если произведенный раздел обидел кого-либо в жребиях или в участках...» и т. д. К стати говоря, нет в греческом тексте и слов «подлежащих распределению» (община подвергала общие места разделу лишь по мере необходимости, сохраняя общинные угодья).

Вряд ли была необходимость варьировать перевод слова $\epsilon\pi\iota\kappa\rho\alpha\tau\eta\iota\alpha$: в статьях 9, 12, 20 — «приплод» (совершенно неудачно), в статьях 13 и 14 — «плоды», тогда как следовало бы сохранить всюду, как в статьях 1, 2, 6, — «урожай».

В статье 19 термин $\epsilon\kappa\sigma\tau\rho\alpha\beta\rho\delta\iota\upsilon\alpha$ лучше было оставить без перевода («экстраордина»), так как перевод «экстраорди-

нарные налоги» предполагает существование регулярных, обычных. Вопрос же этот, однако, далеко не прояснен для VII—VIII вв., к тому же и термин «экстраордина» мог со временем утратить первоначальный смысл (недаром в ряде рукописей этот термин заменен на τὰ ἀνύχοιτα — «надлежащее» — см. sub linea; в комментарии, кстати говоря, следовало бы, как нам представляется, отметить, что в южноитальянской редакции, опубликованной в приложении, в статье 17, этот термин заменен на τετλοφρένα, т. е. «установленная»).

Помешенная издателем в разделе «Рукописная традиция» 21 факсимиле страниц лучших списков Земледельческого закона (с. 70—90), несомненно, украшает публикацию. Неясен, однако, порядок расположения фотокопий. Казалось бы, целесообразно было расположить их в той же очередности, в какой они рассматриваются в разделе самим издателем.

Думается, что весь тон и смысл 1-й статьи оправдывают и перевод И. П. Медведевым термина νέωσις как «пахота» (т. е. ежегодная обычная вспашка земли) и толкование этого понятия в том же смысле — М. Я. Сюзюмовым, Е. Э. Липшиц предпочитает, однако, значение «новь» (см. с. 141).

Полагаем, что предусматриваемый 2-й статьей казус (засеявший чужое поле самовольно лишается компенсации за труд и зерно, как и самого урожая) несопоставим с казусом, зафиксированным в Институциях Юстиниана (если самовольно посаженное на чужой земле растение еще не пустило корни, то посадивший может забрать свое неукоренившееся растение). К. Э. Липшиц усматривает в норме 2-й статьи коренное отличие от указанного положения Институций: укрепление прав собственности на землю от посягательства извне (см. с. 142—144). Однако такое «растение», как зерна злака (семена), даже не укоренившиеся, невозможно в любом случае, будучи изгнанным с чужого поля, сохранить в своей собственности.

Особо следует сказать о комментарии к статье 8, о которой уже упоминалось (с. 148). Во-первых, толкование Е. Э. Липшиц — «в жребиях или местах» — нам представляется более точным, чем приводившийся выше перевод Медведева. Во-вторых, однако, ни закон Аркадия и Гонория от 399 г. не может рассматриваться здесь как «наиболее близкая параллель», ни определение Косьмы (X в.) не может использоваться в качестве близкой аналогии (на это указывает и сама Е. Э. Липшиц). Закон 399 г. трактует вопрос о несправедливом первоначальном разделе земли при поселении «варваров», когда при вмешательстве властей происходит новый раздел. В определении Косьмы имеется в виду сходная ситуация с существенным уточнением: несправедливо произведенный раздел может быть исправлен (т. е. произведен передел) в пределах 30-летнего срока, так как после 30 лет непрерывного обладания землей

она становится неотъемлемым владением крестьянина (его семьи). В 8-й же статье, как мы это понимаем, речь идет не о первоначальном всеобщем разделе, а лишь о дополнительном распределении между общинниками в их личное владение какой-то части общинных угодий (вероятная несправедливость, если бы она произошла, могла быть в таком случае исправлена — возможно, также в пределах 30-летнего срока). Такое понимание, как нам кажется, оправдывается контекстом всех других глав-статей Земледельческого закона, в котором имеется в виду давняя основанная, стабильная деревня-община. В-третьих, пересказ и перевод Ф. И. Успенского и В. Н. Бенешевича определения Косьмы нельзя признать удовлетворительным².

Может быть, заслуживает внимания тот факт, что термин πορίσις зафиксирован в словаре С. Византиоса (т. 1, 1889) в значении арендатора вообще и, что особенно интересно, арендатора, имеющего право на получение 60% урожая (см. 148—150).

Заключение к статье 19, что «права земледельца — владельца поля, бежавшего со своего участка, защищаются законом только тогда, когда он является исправным налогоплательщиком» (см. с. 154), может быть излишне широко: в статьях 18—19 идет речь не вообще о правах бежавшего крестьянина на свой участок, а лишь о его правах на выращиваемый на участке урожай (сама земля может быть, видимо, ему возвращена как его собственная в случае самого его возвращения).

В статье 81 говорится о том, что становящиеся совладельцами построившего мельницу на общем месте общинника односельчане вносят свою долю в счет компенсации расходов на строительство, а не о том, что поселяне должны были «возместить все издержки, которые были затрачены при постройке мельницы, и тогда они станут сотоварищами во владении мельницей» (с. 176).

Что касается издания славяно-русской версии, то в данном случае мы можем сказать лишь о самом общем впечатлении. Несомненно, публикация Е. К. Пиотровский весьма полезна и будет существенно содействовать дальнейшему изучению и интерпретации памятника. Важна и ее историографический обзор и обследование рукописной традиции. Интересны, хотя и кратки, попытки сопоставления норм памятника с другими бытовавшими на Руси юридическими сборниками, даже с берестяными грамотами из Новгорода (см. с. 222—223). Некоторая незавершенность исследования, альтернативность суждений, гипотетичность выводов — ходят, видимо, естественное объяснение в том, что проблема вообще, сравнительно с греческой версией Земледельческого закона, гораздо слабее изучена в отечественной науке, в том числе и в советской. По-видимому, предстоит еще большая и тщательная работа по изучению рукописной традиции и определению места

² Ср. об этом: Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство. М., 1977, с. 71.

памятника среди других правовых сборников, бытовавших и в Древней Руси и в Московской XIV—XV вв.

Все-таки осталось сомнение — только ли от правщиков и от позднего поновления в опубликованном тексте столь много южнославянизмов. Е. К. Пиотровская убедительно показала, что, приспособлявая перевод Земледельческого закона к древнерусской действительности, современники (писцы, переводчики, чиновники) под словом «вино» имели в виду «мед», под словом «виноград» — «огород», «сад», но почему вне объяснения оставлены другие реалии, например «осел» — ни Киеву домонгольской поры, ни тем более Москве неведомое животное (см. с. 240).

Под выражением «властельска повеления» статьи 76 имеются в виду, скорее всего, не воля и согласие «хозяина», а повеления чиновника, лица, облеченного публичной властью (см. с. 245—246), как и в статьях 17 и 18, где переводчица правильно, на наш взгляд, оставила термин «волостель» без перевода (см. с. 236).

Не следовало бы, по нашему мнению, при упоминании о проблеме происжде-

ния пространной редакции Закона Судного людям ограничиваться указанием лишь на точки зрения М. Н. Тихомирова и В. Ганева (с. 257): суждение первого вообще стоит в современной историографии особняком; спор же в основном идет о староболгарском или великоморавском происхождении памятника — о том, связано или не связано его возникновение с именем славянского просветителя Мефодия³.

Несмотря на сделанные частные замечания, мы считаем рецензируемое издание серьезной удачей советского византистского издания и славяноведения. Поставленная исполнителями перед собой задача (о ней сказано в начале рецензии) не только успешно выполнена, но, по нашему убеждению, и перевыполнена. Полагаем, что по крайней мере на обозримое будущее — проблема какого-либо нового издания или переиздания Земледельческого закона не возникнет снова перед наукой. Публикация, безусловно, будет стимулировать изучение аграрной истории VI—IX столетий.

Г. Г. Литаврин

Средневековье в свидетельствах современников. М., 1984. 316 с.

Сборник «Средневековье в свидетельствах современников», выпущенный Институтом всеобщей истории АН СССР (отв. ред. Е. В. Гутнова), представляет собой ротاپринтное издание, объем которого около 20 печатных листов и тираж 300 экз. Выходные данные этого рода в данном случае перестают быть внешним признаком книги и начинают играть существенную роль в оценке ее содержания и качества исполнения. Ротاپринтные издания вообще не принято обсуждать в рецензиях, в академических институтах общественного профиля они считаются продукцией не самого «высшего сорта», скорее вспомогательной, чем показывающей научную работу «лицом», для них не выделяют редакторов и корректоров, это своего рода «ученая самодеятельность» научных сотрудников. Тем более хотелось бы привлечь внимание общественности к названному сборнику, который интересен не только сам по себе, но еще и тем, что он может открыть новую страницу в научной жизни академических институтов гуманитарного профиля.

Всем известно, с какими трудностями сопряжена публикация научно-исследовательских работ, если их тематика не признается достаточно актуальной. Эти трудности оказывают неизбежное воздействие на индивидуальные планы работы сотрудников, из которых чисто «академическая», зачастую узкоремесленная работа почти напрочь вытесняется написанием обобщающих, итоговых, популярных или критических статей, монографий, брошюр, разделов в коллективных трудах. Свою ремесленную работу (составление рабочих словарей или указателей, пробные переводы, сводные комментарии, подборка источников и самостоятельное их изучение) научному сотруднику зачастую

некогда делать (и тогда он берет данные из вторых рук), или он проводит ее вне плана (и тогда она уже остается его личным достоянием, которым никто не сможет воспользоваться). На депонирование в научные библиотеки принимают опять-таки статьи и монографии, а не результаты исследовательской работы «в чистом виде» и в полном объеме, не пропущенные через сито концептуально-аналитической обработки. Сборник «Средневековье в свидетельствах современников» тоже представляет на суд читателей не сырой материал. Он, если можно так выразиться, даже слишком хорош для ротاپринта, но в идеале он показывает возможность внутриакадемических публикаций не столько результатов научной работы, сколько самого ее материала, способного инспирировать, возможно, совсем иные выводы и в ином историческом контексте, нежели это предполагает автор продленного исследования, что является реальным вкладом в решение проблемы координации научных работ и повышения их академического уровня. Сборник с интересом прочтут медиевисты различных специальностей: историки, литературоведы, лингвисты, филологи, искусствоведы. Много ценного даст он, в частности, византистам, ибо материалы, опубликованные в нем, имеют прямое или косвенное отношение к истории ранней Византии.

В сборнике публикуется работа В. П. Будановой «Этнонимика германских племен времени великого переселения народов». Работа эта — полный и корректно выполненный словарь с указанием источников упоминания племен. Объем словаря — около 5 печатных листов. По принятым в издательствах нормам этого мало для отдельной книги, для публикации в составе сборника под каким-ни-

³ См.: Сказания о начале славянской письменности. М., 1981, с. 35 и след.